

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

10 января 1975 г. в МГУ состоялись юбилейные Виноградовские чтения. Они открылись докладом Н. С. Поспелова «О выражении перфектности в русском глаголе». Опираясь на признание В. В. Виноградовым перфектного значения основным значением формы прошедшего времени, Н. С. Поспелов в докладе остановился на общей семантической специфике перфектного значения прошедшего совершенного в современном русском языке, не касаясь вопроса о семантической дифференциации перфектного значения в его оттенках — результативном, качественном, possessивном — и их зависимости от лексических значений глаголов. Специфику перфектного значения Н. С. Поспелов видит в выражении самого перехода, самого включения прошлого в настоящее, которое воспринимается как наличный результат этого прошлого. Специфика перфектного значения глаголов прошедшего времени совершенного вида вскрывается при сопоставлении высказываний различного плана речи, это значение не дается, а ищется и возникает в самом процессе коммуникации, осуществляясь в речи говорящего как «речевое событие», происходящее на линии субъекта речи и завершающееся в настоящем. Двузначность, совмещение в едином выражении двух временных сегментов — прошедшего и настоящего — является структурно-семантической особенностью прошедшего совершенного. Таким образом, специфика перфектного значения состоит в движении времени из прошлого в настоящее, а глагол-сказуемое в перфектном значении оказывается носителем коммуникативного ударения и центром высказывания. В структуре сложного синтаксического целого формы прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением, завершая ряд форм с аористическим значением, могут открывать группу предложений со значением настоящего времени. Проиллюстрировав это двумя строфами из романа «Евгений Онегин», Н. С. Поспелов делает вывод, что перфектное зна-

чение глагольного сказуемого формируется не в структуре предложения как синтаксической формуле, а в предложении как высказывании.

Доклад М. В. Панова «В. В. Виноградов о русском глаголе» был посвящен прежде всего методу, стилю трудов В. В. Виноградова. М. В. Панов говорил о присущей В. В. Виноградову и постепенно исчезающей в наше время способности ученого объединять такие отрасли науки, как лингвистика и литературоведение. Книга В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» — синтез науки и искусства, ее можно сравнить в этом отношении со «Словарем русского языка» В. И. Даля, который читается, как художественное произведение. Категория вида предстает в книге как процесс борьбы грамматических и лексических сил; лексика оттягивает глаголы друг от друга, а грамматика стягивает, соединяет их в пары. «Грамматика ведет наступление на лексику», «грамматика не может преодолеть сопротивление словаря, а иногда и фонетики» — такие характеристики встречаются в главе о виде глагола, которая представляет собой серьезнейшее и исчерпывающее изложение истории учения о виде от античности до современности, синтез этого учения. По мнению М. В. Панова, из двух существующих в лингвистике путей описания какого-либо явления: 1) классификация по единому основанию, деление на конечное число групп; 2) установление шкалы оттенков и переходных явлений, — В. В. Виноградову свойствен второй путь. На примере его классификации возвратных глаголов, в которой выделены 15 рубрик, можно видеть, насколько метки и многогранны его характеристики каждой группы, насколько богаты оттенками значений возвратные глаголы. Однако воспользоваться этой классификацией, чтобы ввести какой-либо глагол в одну из рубрик, очень трудно — классификация очень тонка и интуитивна. Важной особенностью определений В. В. Виноградова М. В. Па-

нов считает то, что в них улавливается не только индивидуальное, но и общее в грамматической категории, устанавливается инвариантное значение. Так, например, известное определение совершенного и несовершенного вида, подводящее итог всему сделанному в этой области, строится по спирали, развертывающейся от центра (инварианта) к периферии (оттенкам) и охватывающей многообразные факты. Несомненное достоинство трудов В. В. Виноградова — уникальный подбор иллюстраций из художественной литературы, превращающийся в своего рода произведение искусства — монтаж, где примеры объединяются по принципу эмоционального воздействия, контраста, сочетания юмора и лирики и обретают самостоятельную ценность и художественное значение.

Ю. В. Рождественский в своем докладе «Истолкование термина „язык“ в книге В. В. Виноградова „О художественной прозе“ (1930 г.)» обратил внимание слушателей на широчайший диапазон научной деятельности В. В. Виноградова. Его наследие можно разбить на несколько основных тематических серий: 1) история литературного языка, 2) язык русских писателей, 3) теория стиля, 4) история русских грамматических учений, 5) грамматическое учение, 6) лексикографическое учение. Каждая работа В. В. Виноградова воплощает с определенной стороны его общелингвистическую концепцию. Интерес В. В. Виноградова к текстологии, науке о бытовании и построении текстов неизбежно привел его от частных проблем к общим. Докладчик подробно останавливается на ранней книге ученого «О художественной прозе». Эта книга интересна для истории советского языкознания изложенными в ней взглядами на язык вообще и на язык литературно-художественного произведения в особенности. В. В. Виноградов противился очень пространному в 30-е годы стремлению создавать все новые и новые дефиниции языка. Вместо того, чтобы отвечать на вопрос «Что такое язык?», В. В. Виноградов предлагает ответить на другой вопрос — «каков язык в действительности?», считая, что преждевременная дефиниция суживает рамки предмета. «Если теории литературных форм суждено выбраться из тушика, в который она попала..., то средство одно — вернуться от схематизма стилистических суждений, обезличенных и придуренных какой-то голой армией терминов, к „живой воде“ языка литературно-художественных произведений»¹. Анализируя, как лингвист пользуется материалом литературных произведений для описания языковой системы и, наоборот, как описание язы-

ковой системы используется для анализа литературных произведений, В. В. Виноградов тем самым ставит вопрос о соотношении языкового текста и системы языка. Но ставит он этот вопрос не абстрактно как антиномию языка и речи, а конкретно: к литературный памятник и «общий» письменный язык современной эпохи. На фоне разнообразия точек зрения на это соотношение, по мысли В. В. Виноградова, рождается лингвостилистика, охватывающая процесс создания текста, принципы связи системы и текста. В книге предложена серия понятий лингвистики текста, которыми В. В. Виноградов пользовался в своем последующем творчестве.

А. В. Степанов в докладе «О лингвистическом аспекте „образа автора“» показал, что в пределах одного и того же произведения используются разные стили. Лингвистический аспект создается манерой сказа, присоединениями, несобственно-прямой речью, но не исчерпывается этими особенностями. К лингвистическому аспекту «образа автора» нельзя отнести, как это часто делается, формы синтаксической реализации субъекта, выраженного личными местоимениями. В докладе были приведены возражения против слишком широкого, поверхностного, а то и заведомо неверного толкования «образа автора», против смещения этой категории с другими, с нею соотносимыми, но обладающими особым лингвистическим аспектом.

Н. С. Зацепина (Москва)

*

18—20 июня 1974 г. в Петрозаводске состоялась XV Всесоюзная конференция финно-угроведов, посвященная 250-летию Академии наук СССР. В ее работе приняли участие лингвисты, литературоведы, фольклористы, этнографы, археологи и антропологи РСФСР, Украины и Эстонии. Организаторы конференции: Институт языкознания АН СССР и Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Конференцию открыл председатель организационного комитета член-корр. АН СССР Б. А. Серебряников (Москва). Участники конференции приветствовал секретарь Карельского обкома КПСС М. Х. Киуру. На конференции было прослушано и обсуждено более 100 докладов и сообщений. Работало семь секций: диалектологии и лексикологии, языковых контактов и топонимики, литературных языков, фольклора, этнографии, археологии, литературоведения.

На первом пленарном заседании было сделано три доклада. Б. А. Сереб-

¹ В. В. Виноградов, О художественной прозе, Л., 1930, стр. 28.

ренников рассмотрел историю образования наклонений в уральских языках. В ранние периоды своего развития уральский праязык характеризовался отсутствием косвенных наклонений. В отдельных диалектах уральского праязыка позднее возникло так называемое условно-возможностное наклонение с показателем *-ne*, который может восходить к суффиксу многократного действия *-i*. И лишь в более позднюю эпоху в отдельных уральских языках начали возникать новые типы косвенных наклонений. Докладчик установил три основных способа образования условного наклонения и указал на известную ареальную дистрибуцию его типов: 1) использование форм вспомогательного глагола «быть» в языках Волго-Камья; 2) переосмысление значений глагольных словообразовательных суффиксов в финском и саамском языках; 3) переосмысление форм условно-возможностного наклонения, возникшего на поздних этапах развития отдельных диалектов уральского праязыка, в современных обско-угорских языках. Некоторые так называемые изолированные типы косвенных наклонений в отдельных уральских языках (например, аудитив в самодийских языках, ласкательное наклонение в марийском) имеют довольно заметные стилистические ограничения. Развитие абсентива (наклонения неочевидности) на базе форм перфекта в некоторых финно-угорских языках (удмуртском, марийском), по мнению Б. А. Серебrenникова, могло быть ускорено влиянием тюркских языков.

П. Н. Лизанец (Ужгород) в своем докладе «К истории лингвистического картографирования» обосновал необходимость глубокого и всестороннего исследования лексических богатств диалектов современных финно-угорских языков, составления общенациональных, региональных и специальных лексических атласов, открывающих путь к более эффективному изучению этногенетических и культурно-исторических вопросов, а также межплеменных и межнациональных связей.

По мнению П. Н. Паникрушева (Петрозаводск), сделавшего доклад «О племенах с асбестовой керамикой в Карелии и Финляндии», северная ветвь культуры ямочно-зубчатой керамики, охватывавшая территории Карелии и Финляндии, возникла вследствие проникновения сюда численно значительных родоплеменных групп волго-окских протофинно-угров. В конце II и I тысячелетия до н. э. в Карелию и Финляндию проникают родоплеменные группы финно-угров с текстильной керамикой. Первоначальная область обитания этих племен — верховья Волги. Пришельцы с текстильной керамикой, по мнению докладчика, ассимилировали большую часть древне-саамского населения южной Карелии и юго-восточной Финляндии, а частично

оттеснили их в более северные районы.

Остановимся на тематике лингвистических секций.

Интенсивно и плодотворно работала секция диалектологии и лексикологии. На заседаниях этой секции были затронуты общие вопросы финно-угроведения, прибалтийско-финских языков, проблемы мордовской и пермской диалектологии, а также вопросы методики собирания диалектного материала.

На коренных отличиях в методике исследования бесписьменных и младописьменных языков и языков, имеющих древние письменные памятники и богатую литературу, остановился Г. А. Меновщиков (Ленинград), выступивший с докладом «Некоторые вопросы изучения языка в полевых условиях». Этапы полевой работы, по мнению Г. А. Меновщикова, всякий раз определяются конкретными, заранее поставленными задачами. Указано также на зависимость методики полевых исследований от характера языковых отношений между исследователем и информантом. Из многих вариантов таких отношений наиболее благоприятной считается ситуация, когда исследователь и информант — билингвы, т. е. знают язык-объект и язык-посредник.

Л. П. Грузов (Йошкар-Ола) посвятил свой доклад вопросам экспериментального исследования природы словесного ударения в финно-угорских языках. Изучение типов этимологических (словообразовательных) связей в финно-угорских языках — тема доклада Д. В. Цыганкина и М. В. Мосина (Саранск). Докладчики отметили, в частности, различную степень связи между родственными языками и разные пути образования производных слов от первичных корней. Р. С. Ширманкина (Саранск) в своем сообщении дала обзор общепермской лексики в составе мордовских фразеологических единиц. Грамматическая структура мордовских терминов родства — тема сообщения Р. В. Бабункиной (Саранск). Большое количество заимствованных элементов — характерная особенность терминологии родства в мордовских языках. Г. И. Ермаушкин (Москва) проанализировал в своем докладе пути развития некоторых форм мордовского объектного спряжения. О терминологии эрзя-мордовской свадьбы сообщение сделала Р. Н. Бузакова (Саранск).

М. Норвик (Таллин), В. Книгсеп и Т. Оянуorme (Тарту) в своих выступлениях остановились на характеристике опыта эстонских лингвистов по хранению и увековечению в звукозаписях диалектных материалов в Институте языка и литературы АН ЭССР и Тартуском государственном университете.

Доклад А. П. Баранцева (Петрозаводск) был посвящен вопросам ме-

тодики исследования спонтанной речи. При расшифровке магнитофонной записи спонтанной речи фиксации подлежат все фонетические явления, как бы экзотичны и странны на первый взгляд они ни были. Для того чтобы быть речевыми документами, полученные текстовые материалы ни во время расшифровки, ни в процессе последующей первичной обработки не должны подвергаться ни грамматической обработке (редактированию), ни произвольному сокращению.

Ю. С. Елисеев (Москва) в своем докладе дал подробную характеристику тенденций в развитии падежных систем в северной группе прибалтийско-финских языков. По мнению А. Лаанеста (Таллин), признак мн. числа *-k* в прибалтийско-финских языках составляет сложную проблему исторической морфологии прежде всего из-за фонетического развития *-k* в конце слова. Факты существования *k* как признака мн. числа малочисленны и однозначное толкование их затруднительно. Проблеме разграничения предлогов-послелогов от существительных и наречий посвятил свое сообщение Р. Карелсон (Таллин). Процесс образования предлогов и послелогов из других частей речи (прежде всего от имени существительного) в прибалтийско-финских языках до сих пор продолжает быть активным процессом. Это обстоятельство порождает трудности при классификации слов и проведении четких границ между предлогами-послелогоми, с одной стороны, и именами существительными и наречиями, с другой. В. П. Федотов (Петрозаводск) охарактеризовала фонетические и грамматические средства, участвующие в процессе фразеологизации в диалектах карельского языка.

В. Е. Злобина (Петрозаводск) сделала доклад об этническом составе и языке финно-хорлаков Омской области. Э. В. Яри (Тарту) посвятил свой доклад характеристике первоначальных суффиксов ливского языка. Факт застывания механизма первоначальных исконных суффиксов ливского языка под влиянием билингвизма ливов представляет большой интерес для общего языкознания. В сообщении А. В. Пунжиной (Петрозаводск) рассмотрен морфологический способ выражения сравнения в калининских говорах карельского языка (аллативом в притяжательном оформлении). Прослежена связь падежеобразной формы аллатива карельского языка в ее компаративной функции с падежеобразной сравнительной формой марийского языка. Об остатках притяжательной суффиксации в вепском языке сообщила Н. Г. Зайцева (Петрозаводск). А. Кяхрик (Таллин) остановилась в своем сообщении на процессе развития личных окончаний глагола в южном диалекте вепского языка. Особые случаи вторичной геминации согласных в финских диалек-

тах Ленинградской области рассмотрены в сообщении Л. Я. Галаховой (Ленинград).

История сложения структуры слова в пермских языках была представлена в докладе Т. И. Тепляшиной (Москва). Структура корня слова финно-угорского праязыка (в виде двухсложной основы с конечным кратким гласным) в пермских языках подверглась коренным преобразованиям. Основы финно-угорских слов в коми и удмуртском языках стали односложными в результате отпадения финальных гласных, что привело к существенному изменению структуры всего слова. В. К. Кельмаков (Ижевск) в своем докладе выявил рефлексы древних срединных гласных верхнего подъема в удмуртских диалектах. На материале коми-пермяцких говоров Р. М. Баталова (Москва) рассмотрела соотношение внутренних и внешних тенденций в развитии языка.

Обзор слов, выражающих значения времени и места в языках угорской группы, был дан в сообщении М. П. Баландиной (Ленинград). В своем сообщении Н. И. Гладкова (Ленинград) пришла к выводу, что в тунгусо-маньчжурских языках наречия со значением времени и места бытуют значительно шире, чем в финно-угорских языках, где они, как правило, перешли в разряд предлогов и послелогов. На основе сопоставительного анализа лексического материала венгерских говоров новые этимологии для ряда слов предложил А. А. Мокань (Ленинград). О нагруске фонемы *ǣ* в венгерских говорах Потисья сделала сообщение К. И. Горват (Ужгород). Е. И. Ромбандеева (Москва) в своем выступлении остановилась на вопросах происхождения и функционирования артиклей *án, akw* в мансийском языке.

Тематика докладов, состоявшихся на заседаниях секции языковых контактов и топонимики: взаимоотношения между отдельными финно-угорскими языками, между финно-угорскими языками и русским, контакты между финно-угорскими и тюркскими языками. По топонимике состоялось два доклада. М. Хьямяляйнен (Петрозаводск) в своем докладе рассмотрел прибалтийско-финскую топонимику Ленинградской области. Особенности развития карельской микротопонимики — тема доклада Н. Н. Мамонтовой (Петрозаводск).

По общим вопросам контактирования языков выступил председатель секции И. С. Галкин (Йошкар-Ола). А. С. Герд и З. М. Дубровина сделали доклад о типе звукообразовательных и изобразительных глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии.

Рассмотрен на материале финских диалектов Ленинградской области финско-

русские языковые связи, А. И. Кукконен (Ленинград) в своем докладе приходит к выводу, что фонетическая система речи финского населения указанного ареала имеет тенденцию сближаться с фонетической системой русского языка. Влияние русского языка на синтаксис коми-пермяцкого языка, по мнению А. С. Кривошековой-Гантман (Пермь), проявляется как в прямом использовании существующих продуктивных моделей синтаксиса русского языка, так и в активизации и развитии некоторых исконных синтаксических явлений, функционально соответствующих широко распространенным конструкциям русского языка.

Н. М. Терещенко (Ленинград) в докладе «Влияние русского языка на язык иганасанов» при рассмотрении лексических заимствований предложил ограничивать заимствованное слово от новых слов, образованных на его основе. Е. С. Гуляев (Сыктывкар) в своем выступлении обосновал прибалтийско-финское происхождение целого ряда лексем коми языка. Лексические соответствия собственно карельского и кольско-саамских диалектов были рассмотрены в сообщении П. М. Зайкова (Петрозаводск). Наибольшую группу сходных по семантике слов образует в указанных диалектах оленеводческая терминология.

В докладе И. В. Тараканова (Ижевск) проведена подробная классификация грамматических функций служебных слов тюркского происхождения в удмуртском языке, даны общие выводы о месте и значении служебных слов, заимствованных финно-угорскими языками из тюркских.

Семь докладов и сообщений было заслушано на заседаниях секции литературных языков. Изложив историю образования форм настоящего времени в финно-угорских языках, К. Е. Майтиская (Москва) в своем докладе приходит к заключению, что изменение типа образования форм настоящего времени объясняется изменением структуры финно-угорских языков: в финно-угорском языке-основе глагол и имя теснее соприкасались друг с другом, позднее же, когда эти лексико-грамматические категории все больше и больше отдалялись друг от друга, более естественным стало развитие презенсных показателей от глагольных словообразовательных суффиксов. О типах связи слов в предложении марийского языка рассказал Н. Т. Пенгитов (Йошкар-Ола). И. С. Бузак (Саранск) сделал доклад об особенностях синтаксических конструкций причинно-следственного характера в мордовских языках. Сообщение В. И. Учкониной (Саранск) было посвящено характеристике инфинитива в мордовских языках.

По мнению И. Г. Ивановой (Йош-

кар-Ола), первый период развития марийского литературного языка (1917—1937) характеризовался глубоким сознательным вмешательством общества в языковые процессы, значительным расширением функциональной нагрузки, что вызвало активизацию всех языковых процессов в марийском литературно-письменном языке. Задача языковой консолидации вызвала широкое обсуждение диалектной основы марийского литературного языка. Борьба за единый литературный язык — одна из особенностей языкового строительства 20-х годов.

Проблемы удмуртского литературного языка — тема выступления В. М. Вайрушева (Ижевск). Касаясь противоречивых высказываний по вопросам возникновения письменности и формирования удмуртского литературного языка, докладчик отметил, что классификация литературных языков на младописьменные и старописьменные не всегда точно отражает реальное положение вещей. Так, удмуртский язык до недавнего времени относился к младописьменным, обычно понимая под этим термином возникновение письменности и литературного языка лишь в послереволюционный период.

В истории формирования и развития удмуртского литературного языка, бесспорно, сыграл определенную роль и дореволюционный период в смысле создания алфавита, издания известной литературы и т. д. Поэтому, по мнению докладчика, справедливо отнести удмуртский, коми, мари и мордовские языки, как это делает В. И. Лыткин в последних своих работах, к «старописьменным языкам с небольшой дореволюционной литературой». В сообщении А. П. Феоктистова (Москва) были затронуты некоторые вопросы периодизации истории мордовских литературных языков.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги работы секций. Всего состоялось 100 секционных докладов и сообщений, в том числе в лингвистических секциях 48, в секции фольклора — 12, этнографии — 11, археологии — 18 и в секции литературоведения — 11. По предложению финно-угроведов Коми АССР решено провести следующую всесоюзную конференцию финно-угроведов в г. Сыктывкаре в 1979 г. — за год до созыва V Международного финно-угорского конгресса (1980). В принятой резолюции отмечена необходимость усиления координационной работы, которую должен обеспечивать Советский комитет финно-угроведов. Существенную помощь призван оказать журнал «Советское финно-угроведение» оперативной информацией о книжных новинках и всех событиях в области финно-угристики. Решено также в 1977 г. провести симпозиум по актуальным проблемам финно-угорского языкознания и литературоведения (г. Ужгород). Намечено

проведение симпозиумов и по другим отраслям финно-угроведения, в частности — симпозиума по этногенезу народов Поволжья. Подчеркнута необходимость расширения тематики журнала «Советское финно-угроведение».

А. П. Феохтистов (Москва)

*

В г. Пензе 12—15 сентября 1974 г. состоялась V конференция по ономастике Поволжья. В конференции приняли участие языковеды, этнографы, географы, биологи и представители других наук из многих городов Поволжья, а также из Баку, Балашова, Кемерово, Майкопа, Ташкента и Элисты — всего 73 докладчика.

На пленарном заседании проблемно-методологические доклады сделали В. Д. Бондалетов (Пенза) — «Методы сравнительно-сопоставительного изучения ономастики» и В. А. Никонов (Москва) — «Основы названия». Оба ученых отстаивали справедливый тезис, что ономастика и по объекту исследования и, значит, по методике и методологии — наука прежде всего лингвистическая и не может развиваться вне языкознания, хотя и опирается на географию, историю человеческого общества, биологию, астрономию и т. д. В. Д. Бондалетов при этом на ряде убедительных примеров показал возможность и важность статистического изучения ономастики.

В этнонимической секции выступили с докладами: В. В. Пименов и Т. П. Федянович (Москва) — «Из этнонимии мордвы», Н. Д. Русинов (Горький) — «Белая Русь Волго-Окского междуречья» и Н. Ф. Мокшин (Саранск) — «Как мордва называла чувашей».

Из докладов по антропонимии одни были посвящены словообразованию, другие — фонетико-семантической истории, третьи — прошлому и современному использованию антропонимов. При этом анализировались названия восточнославянского, финского и тюркского употребления: О. Н. Столярова и Н. С. Комарова (Пенза) рассказали о степени употребительности в Пензенской обл. разных оценочных форм личных имен, Т. А. Кильдибекова и А. Н. Тарусина (Уфа) — о личных именах русских жителей Уфы, Э. В. Самсонова (Пенза) — о именах, фамилиях и прозвищах в дер. Волженка, Пензенской обл., Р. Х. Субаева (Казань) — о переменах татарских имен, отчеств и фамилий по материалам ЗАГС Татарии, Р. Л. Сельвина (Элиста) — об особенностях прошлого и современного состояния системы калмыцких личных имен, Т. П. Федянович (Москва) — о результатах сопоставления фамилий русского и мордовского населения Мор-

довии, И. Д. Воронин (Саранск) — о характере и причинах двухфамильности многих жителей Саранска в XVII—XIX вв., И. Д. Воронин (Саранск) и Г. В. Еремин (Пенза) — об антропонимах Пензенщины в XVII в., Т. И. Тепляшина (Москва) — о замене тюркского именина русским (с добавлением русских отчеств и фамилий) у удмуртов Куединского района Пермской обл. на протяжении 1929—1970 гг., Э. М. Бравичева и Е. Ф. Данилина (Пенза) — об антропонимической системе села Капанска Пензенской обл., Н. Ф. Мокшин (Саранск) — о превращении мордовского названия племенного вождя *тышты* (из *техи* «верх» и *агы* «старик») в антропоним, Г. Ф. Саттаров и Р. Х. Субаева (Казань) — о парных именах в татарской антропонимии, С. Я. Макарова (Пенза) — о перифрастических заменах личных имен в художественной и публицистической литературе Поволжья, М. Г. Свотина (Балашов) — о наблюдениях над личными именами в произведениях публицистов XIX в. поволжского происхождения, В. И. Тагунова (Муром) — об отражении этико-эстетических взглядов жителей Поволжья в прозвищах, И. Т. Сергеев (Чебоксары) — о прозвищной функции некоторых антропонимов (вроде *Емелья*, *Иванушка*, *Олух*) в русских говорах Поволжья, Л. В. Сяляндина (Куйбышев) — о прозвищах в речи сельской молодежи Куйбышевской обл.

В прениях по антропонимическим докладам особенно дебатировался вопрос о научном определении прозвища: было выдвинуто несколько рабочих формулировок, но ни одна не оказалась достаточно полной и четкой, чтобы быть принятой.

Из докладов по топонимии некоторые представляли собою анализ происхождения и изменения семантики и форм отдельных топонимов или их групп, другие содержали анализ целых топонимических пластов и систем: В. А. Кучкин (Москва) рассказал о названиях московских волостей XIV в., И. В. Власова (Москва) — о топонимах на *-иза* в северном Заволжье, И. Г. Долгов и Г. Н. Несина (Волгоград) — о словообразовательных вариантах названий населенных пунктов Волгоградской обл., В. И. Тагунова (Муром) — о предположительно иранском происхождении топонимов с сочетанием *хр* в основе на территории Почья, Н. К. Пригарина (Волгоград) — о заволжской топонимии Волгоградской обл., И. Л. Минизон (Горький) — о миграции населения в Нижегородском Поволжье по данным фитотопонимов, Г. В. Еремин (Пенза) — о происхождении названий железнодорожных станций в Пензенской обл., А. Г. Шайхулов (Уфа) — о топонимах тюркского происхождения на территории Башкирии, Д. В. Цыганкин (Саранск) — об архаичных мордовских признаках в топонимии Мор-

довской АССР, Ф. Г. Гарипова (Казань) — об этнолингвистических пластах гидронимии татарского Заказанья, Р. З. Шакурова (Уфа) — о числительных и нумеративах в башкирской топонимии и о башкирских топонимических образованиях от названий типов построек, жилищ, стоянок и поселений, А. А. Камалов (Уфа) — о создателе первого топонимического словаря Башкирии П. И. Рычкова и о кыпчакских элементах в башкирской топонимии, Р. Х. Халикова (Уфа) — о топонимах в башкирских родословных книгах (шежере) XVI—XVIII вв., Ф. Х. Хисаметдинова (Уфа) — об особенностях гидронимов Белорецкого района Башкирии, Г. А. Архипов (пос. Яр Удмуртской АССР) — о переходе удмуртских географических терминов в топонимии, В. М. Петрушина (Пенза) — о микротопонимии с. Инкино Горьковской обл., В. В. Тикшаева (Пенза) — о микротопонимах г. Кузнецка Пензенской обл., Г. Г. Гареева и А. А. Камалов (Уфа) — о названиях улиц г. Уфы, А. С. Гантман (Пермь) — о микротопонимии Коми-Пермяцкого округа, Л. Г. Хабибов (Уфа) — о лексико-семантических особенностях микротопонимии бассейна р. Пьюй в Башкирии.

В прениях по топонимическим докладам наибольшие споры вызвали этимологические толкования и статистический анализ наименований.

По ктматологии состоялся доклад М. Н. Морозовой (Москва) «О названиях культурно-бытовых учреждений поволжских городов», а по космонимии сделали сообщения В. Д. Бондалетов — «Названия Млечного Пути на территории Поволжья» и Л. В. Карпова (Пенза) — «Названия обеих Медведиц на территории Пензенской обл.». Антропонимо-топонимическим оказался доклад Г. Ф. Саттарова — о монголизмах в ономастике Татарии.

В некоторых докладах была затронута экстрарегиональная проблематика. Так, Б. А. Старостин (Москва) указал на ряд новых методологических проблем исследования собственных имен, Е. Н. Полякова (Пермь) охарактеризовала источники изучения русских неполных и «печочных» имен прошлого, Б. Ф. Захаров (Саранск)

подверг анализу терминологически устойчивые сочетания с именами собственными в русском языке, В. А. Фролова (Майкоп) изложила свои приемы отграничения личных имен от прозвищ, Т. В. Непомнящая (Волгоград) сообщила о наблюдениях над лексико-семантическими особенностями названий городов советской эпохи, Т. И. Суркова (Пенза) — над морфологическим словообразованием псевдонимов русских писателей XIX—XX вв., А. Г. Силаева (Пенза) — над фонетической выразительностью антропонимов в художественной литературе, А. С. Гантман (Пермь), Е. Ф. Данилина (Пенза) и С. И. Зинин (Ташкент) поделились опытом вузовского преподавания спецкурсов по топонимике и антропонимике.

На заключительном пленарном заседании с анализом итогов конференции выступили В. А. Никонов, В. И. Тагунова, В. Н. Морозова, Н. Д. Русинов и В.*Д. Бондалетов. Они констатировали, что V конференция по ономастике Поволжья, как и предыдущие, дала много нового материала для обобщений, для теоретического развития и прикладного использования ономастической науки. Вместе с тем было отмечено, что некоторые исследования по ономастике, как показали доклады, ограничиваются лишь систематизированным описанием фактов — без попытки их анализа, что при статистическом анализе ономастики обычно игнорируются математические методы теории вероятностей и теории информации, что ономатологи-нелингвисты прибегают к этимологическому анализу изучаемых явлений часто без достаточных знаний по теории исторического языкознания и по конкретной истории соответствующих языков, что ту же болезнь обнаруживают ономатологи-нелингвисты в попытках решить вопросы этнической истории с помощью топонимического и антропонимического материала. Наконец, было высказано сожаление, что на конференции не присутствовали представители иранского и балтийского языкознания, хотя в топонимии Поволжья имеются названия древнеиранского и древнебалтийского происхождения.

Н. Д. Русинов (Горький)